

© 2021

Олег Сухарев

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: o_sukharev@list.ru)

Посвящается памяти
гл. редактора журнала «Общество и экономика»
К.И. Микульского

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: РАСЦВЕТ ИЛИ УПАДОК?

В статье исследуется состояние современного институционального направления анализа в экономической науке. Целью выступает выявление основных методологических проблем этого течения мысли с точки зрения формирования такого научного направления, как «институциональная макроэкономика». Методом сравнительно-обзорного анализа наиболее передовых источников, заложивших базу методологии и реализующих её в институциональных исследованиях, показаны фундаментальные причины ограниченных возможностей институционализма в области формирования передаточного механизма экономической политики. В связи с этим большой объём научных исследований институциональной школы, отражающий в том числе научную моду и потребность учитывать институты как факторы развития, тем не менее не говорит в пользу расцвета и значительного успеха этого направления анализа. По меньшей мере имеются имманентные трудности развития этого направления экономической науки. Выявлены основные направления исследований институциональной школы, связанные с преодолением методологических ограничений, в частности, расширением представлений об институциональной эффективности, которая не может сводиться исключительно к экономии на трансакционных издержках. Методологические споры, увлечение холизмом и риторикой в отношении необходимой системности, наоборот, уведут институционализм от решения даже тех методологических проблем, которые поддаются решению. В статье показаны ключевые позиции по развитию институциональной макроэкономики, в том числе, посредством представлений об институциональной инфляции, сводимой к вкладу институтов в динамику цен. Высокий уровень институционального разнообразия, институциональная сложность делают весьма неоднозначной подлинную оценку этого вклада. Вместе с тем отрицание влияния институтов на цены, особенно в связи с неотъемлемыми неточностями модельного подхода, также становится не обоснованным приёмом, как и критика модельных вариантов, демонстрирующих направления научного поиска по данному вопросу. Получено условие, связывающее изменение издержек функционирования институтов с функцией, определяющей динамику цен для наибольшего эффекта функционирования институциональной системы, определяемого разницей полных выгод и издержек.

Ключевые слова: институты, парадигма, институциональная экономическая теория, методологический индивидуализм, «институциональная инфляция», передаточный механизм экономической политики, эволюционная экономика.

DOI: 10.31857/S023620070017484-9

Колоссальный масштаб институциональных исследований в современной экономической науке создаёт закономерное впечатление небывалого расцвета

институционализма, превосходящего даже значение этого теоретического направления в 1920–1930 гг., когда представители данного течения науки консультировали Президента США, сильно влияя на проводимую политику «нового курса», а также имели прочные позиции в Американской экономической ассоциации. После Второй Мировой войны указанное влияние значительно ослабло, а предложения институционалистов по регулированию экономики стали практически не востребованными [27. С. 99]. Вместе с тем, несмотря на то, что современные кризисы приобрели значительное институциональное содержание в виде «нарушения бухгалтерских балансов»¹, так что стандартные меры денежно-кредитной политики и даже фискальные стимулы стали неэффективными в таких условиях [26], институциональные рекомендации остаются, мягко говоря, неоднозначными [28]. Мода на институциональные исследования сегодня, их популярность в учёном сообществе, с одной стороны, отражают исчерпанность классических методов и подходов, привнося оценку новых обстоятельств, связанных с институтами, с другой стороны, анализ влияющих на экономику факторов расширяется, причём происходит перенос интереса к регулирующим правилам. Так возникают интеллектуальные смещения внутри самого институционализма и экономической науки в целом, поскольку, в частности, старая институциональная школа приобрела черты описательного подхода, а новая школа – аналитически строго выстроенной теории. При этом на политику сохраняют своё влияние отнюдь не институциональные школы, существенная доля усилий которых обращена в область методологических и модельных споров с неоклассикой. В итоге возникает впечатление бурного интеллектуального развития при весьма незначительном коэффициенте полезного действия, характеризующем применение приобретаемых рекомендаций в области экономической политики. Можно ли считать подобное развитие научного направления его расцветом или, наоборот, кризисным проявлением, или, как минимум, функционированием подобно трансформатору «на холостом ходу»?

Если во второй половине XX века представители институционализма и продолжатели вебленовской традиции, активно критиковали капиталистические институты, включая корпоративный сектор [5–6], продолжая и критику исходных допущений неоклассической экономики [35], то сегодня в рамках нового институционализма [2, 12–13, 16–21, 25, 33–34, 36] и даже

¹ Имеется в виду бухгалтерский баланс с отрицательным капиталом. Вернон Смит считал, что и Великая депрессия также была вызвана именно таким кризисом [26]. Возможно, именно поэтому совокупность масштабных институциональных коррекций, трансформирующих экономическую систему, предложенная институционалистами как консультантами, смогла исполнить позитивную роль в преодолении этой депрессии. Хотя известно мнение, что капитализм того периода вышел из кризиса исключительно благодаря милитаризации экономики и развёртывания заинтересованными кругами Второй мировой войны.

реформистских устремлений кейнсианского толка [28] она звучит слабо, либо смотрится как паллиатив и необоснованные² предложения [32].

Таким образом, возникает интересный эффект, выражающийся в том, что объём институциональных исследований сегодня действительно весьма значительный³, но вот влияние на экономическую политику институционализма в сравнении с указанным прошлым периодом, вероятно, более скромное, во всяком случае, не равнозначное данному объёму проводимых научных работ. Если это так, то возникают вопросы относительно того, что даёт этот большой объём изысканий в области институциональной экономики как самостоятельного направления экономической мысли, насколько востребованы эти исследования, к чему приводят. Вместе с тем нужно отметить, что институционализм как теоретическое направление имеет центральную методологическую проблему, связанную с ограничениями по формированию передаточного механизма экономической политики и влиянию на него [29]. Устремляясь к сходу за счёт высокой сложности обобщений и методологических споров, он отходит от практики принятия решений на макроэкономическом уровне, но даёт некие рецепты для регулирования договоров и рыночных структур, организаций на микроэкономическом уровне⁴.

² Это относится к книге *Стиглица Дж.* «Люли, власть и прибыль», переведенной на русский язык в 2020 году. Не будем напоминать, как в ней на странице 300 допущен, мягко говоря, некорректный выпад против России и Президента страны, но она в духе слабых институциональных реформ предлагает «спасение» капитализма посредством «прогрессивного капитализма» [32]. Причём оговаривается весь имеющийся классический набор известных экономических инструментов, способных якобы привести к такому результату при возрождении демократических устоев. Кстати, именно такой подход характеризовал старый институционализм, провозглашающий необходимость эволюционных улучшений капитализма [27, 29].

³ Методы экономической политики вообще по большей части свелись исключительно к институциональным коррекциям.

⁴ В связи с этим «институциональная макроэкономика», очевидно, менее развита, нежели ориентированный на микроэкономический уровень анализа новый институционализм, исследующий контракты, собственность, информацию, отдельные организации и правила, влияющие на агентские взаимодействия. Хотя черты этого направления в институционализме («институциональной макроэкономике») просматриваются в работах французских институционалистов–регуляционистов [3], а также российских современных исследователей [10, 21, 29]. Отметим, что французский структурализм в лице Ф. Перру также может претендовать на то, что заложил некую основу для институциональной макроэкономики, не говоря уже об эмпирической ветви старого институционализма в лице У. Митчелла и его ученика – Саймона Кузнеца, а также их последователей. В частности, именно Ф. Перру предложил принцип «селективности» как основу структурной политики и сделал акцент на секторальном характере инфляции, как и методе борьбы с ней [27. С. 92–93]. Это сильно перекликается с предложениями автора учитывать инфляцию для групп населения, в частности, отдельно ввести пенсионный и детский индекс цен, измеряя по ним влияние инфляции на конкретные группы населения. Отметим, что недавно введён индекс детских цен, остаётся ввести правило индексирования пенсий по индексу цен для пенсионеров, а не по средней инфляции по ИПЦ для всей экономики, как это делается в настоящее время в России. Принцип «селективности» означает, что с инфляцией весьма трудно бороться, а планирование развития предполагает установку приоритетов, что сегодня делают все развитые страны без исключения. От подобных институциональных идей всего один шаг до описания институциональной инфляции, задаваемой сформировавшейся и изменяемой системой правил в конкретной экономике [29]. Причём оценка такой инфляции весьма сложна, предполагает применение «селективного» принципа и авторской идеи монетарного диапазона применительно к институтам [29. С. 437–450].

Следуя М. Алле [1. С. 34], экономическая наука ищет компромисс между простотой модельных построений (описательные, объяснительные, прогностические и модели принятия решений) и сходством (сложностью) с реалиями⁵, тем самым совершенствуя свой собственный аппарат познания и предлагая объяснения наблюдаемых явлений с необходимым изменением воздействий. Эти два вектора развития экономического знания, по сути, полностью детерминируют проведение поисковой работы в области экономики как науки.

Разумеется, только эмпирические факты выступают самым мощным верификатором полученных теоретических обобщений и проводимых научных работ, а отнюдь не математические модели⁶. При этом должен действовать и принцип презумпции Дж. Коммонса [11, 38]. Согласно ему, та теория имеет большую ценность, которая меньшими инструментами (сложностью) или тем же самым их набором, позволяет прояснить ситуацию соответственно по такому же или большему числу возникающих вопросов и обстоятельств. Именно такая теория или модель должны выигрывать относительно вариантов с явно завышенной сложностью. При этом может возникать «эффект превышения сложности», когда сложность модели или теории явно или заведомо превосходит сложность исследуемых и подлежащих к изучению объектов. В таком случае эти теории или модели, умножаясь, ничего не могут прояснить, оставаясь весьма тяжёлым интеллектуальным грузом в анналах экономической науки.

Родиной институционального направления экономической мысли можно законно считать США, где сначала в работах Т. Веблена [7–8], затем его последователей [11, 27, 38, 43] был оформлен методологический фундамент указанной научной школы. Причём мировой кризис 1930-х гг. явился благодатным полем для реализации институциональных работ и укрепления ментальных позиций этого научного направления. Оно возникло на базе традиций немецкой исторической школы, а также марксовых идей, которыми увлекался Т. Веблен. Но пошло дальше, обрушив весь критический аппарат на неоклассическую экономическую теорию, одновременно предлагая различные подходы по эволюционному улучшению капитализма, осуществлению его институциональной модернизации, в том числе за счёт технологических изменений и индустрии [5–6, 24, 27].

Сегодня следует отметить, что этот критический настрой муссируется от работы к работе, начиная с публикаций отцов основателей, а также показательных трудов П. Хомана [43], завершая современными работами, включая представителей российской школы [4, 9–10, 15, 22–23, 29–30, 35].

⁵ Наблюдаемые общественные явления обычно представляются сложными событиями в силу высокого уровня организации социальных систем. Поэтому сходство в данном случае означает приближение к сложности наблюдаемых и происходящих социальных, экономических событий.

⁶ Их роль всегда вспомогательная и во многом иллюстративная. Абсолютизация математического подхода может нанести не меньший вред, нежели отсутствие его применения.

В основном расхождения (между неоклассикой и институционализмом⁷) касаются базовых методологических установок и допущений, а также методов анализа, но насколько успешно они позволяют решать возникающие проблемы с точки зрения развития экономической науки и управления – остаётся дискуссионным вопросом. Более того, из положений, сформулированных П. Хоманом [43] в 1932 году, все сохраняют своё значение и сегодня, хотя эти формулировки составляли своеобразную программу развития институциональной экономики: изучение феномена изменения; отрицание теории по причине оторванности от управления; включение механизма управления в экономическую теорию; проведение количественных исследований. При этом институциональное направление в экономике отвергало ортодоксию по причине абсолютизации последней следующих позиций: гедонизма, абсолютной конкуренции на базе эгоистического поведения, стремления к равновесию, организационной и институциональной статике, доступности и полноты информации [27, 29, 35, 43].

Сказанное позволяет поставить цель и задачу настоящего исследования в виде выявления содержательной стороны современной институциональной парадигмы в экономике, определения главных на сегодня методологических проблем и причин их сохранения. Кроме этого, полезна будет оценка возможностей развития «институциональной макроэкономики», то есть ветви институционализма, способной повлиять на формирование и реализацию экономической политики. Сегодня проводимая экономическая политика во многих странах уже стала представлять весьма разветвлённый набор институциональных инструментов, с помощью которых осуществляются перманентные институциональные коррекции⁸.

Таким образом, выходит, что умножающееся число научных исследований институциональной области сопровождается расширением институциональных воздействий на экономику, но, при этом рекомендации данного теоретического направления для политики остаются весьма скромными.

⁷ Существуют принципиальные разногласия между двумя направлениями институциональной теории – старой и новой школой, а также отличия в предметной области, методах и результатах в рамках неинституционализма. Они касаются даже представлений об институтах – формальных и неформальных, способах включения их в анализ и поведения агентов в рамках изменяющегося институционального поля (заданного структурой различных правил). Так, используя метод «затраты-выгоды», исследуется политический рынок, договорной механизм [2], с позиции транзакционных издержек – распределение прав собственности, природа фирмы [12, 25], общественные блага, внешние эффекты [33, 36], контрактные отношения и организационные формы, правила функционирования рынков [13, 34], управления общим ресурсом и теория групп [18–20], траектории институциональных изменений под влиянием технологий [4, 14, 16–17, 24, 30], микроэкономические институты [22–23], проблема оптимального выбора правил [21]. Это далеко не весь перечень направлений в рамках нового институционализма [29–31]. Оценка институтов обычно осуществляется по транзакционным издержкам, что даёт весьма ограниченное представление об их эффективности [31], применяются методы экспертной оценки (балловый метод), прикладные измерения – полевые исследования, сопоставительный анализ и пр. Тем самым новый институционализм исходит из общей нацеленности на детализацию изучения взаимодействия индивидов по поводу ресурсов, благ и дохода.

⁸ Другое дело, что это не позволяет быстро разрешить и тем более предотвратить кризис бухгалтерских балансов по В. Смитю [26].

Данная ситуация связана с тем, что институционализм, несмотря на то, что явился предтечей современной макроэкономики, в формирование которой внесли вклад Т. Веблен, У. Митчелл, С. Кузнец (старая школа), тем не менее не стал той интеллектуальной конструкцией, подобно неоклассической школе, которая бы напрямую влияла на формирование передаточного механизма⁹ экономической политики [29].

Сохраняющиеся методологические проблемы институциональной парадигмы.

Указанное выше обстоятельство, сводимое к бурному развитию теоретического направления, при скромном его коэффициенте полезного действия в области рекомендаций для экономической политики можно, на взгляд автора, отнести к определяющей методологической проблеме. Причём она весьма острая и автоматически вбирает в себя всю гамму обнаруживаемых проблем в области методов исследования и познания данной научной школы. Совершенствование же собственного аппарата конкретной науки всегда имеет определённые пределы, а применительно к экономическому знанию не может превращаться в набор оторванных интеллектуальных упражнений или задач, полезность решения которых мало что даёт для реальной ситуации.

Под институциональной парадигмой понимается система взглядов на функционирование институтов, включение их в экономический и социологический анализ. Разумеется, она не является однородной, так как взгляды старых и новых институционалистов даже на определение института, тем более на способы включения их в анализ, — отличаются. Возникают подходы, имеющие целью преодолеть трудности познания институтов в рамках этих двух магистральных течений институционализма, в частности в новой школе.

По всей видимости, ощущая указанные трудности, К. Менар в своей работе 2018 года обсуждает «прогрессивную исследовательскую программу» новой институциональной экономики [45]. Базовая парадигма нового институционализма, заложенная Р. Коузом, Д. Нортон, Э. Остром, О. Уильямсоном [12, 16–17, 20, 34] не подвергается сомнению, а дополняется рассмотрением «гибридных механизмов» как способа организации сделок в современной экономике и «мезоинститутов» как неких промежуточных правил, которые осуществляют настройку взаимодействия базисных институтов и агентов. Однако

⁹ Передаточный механизм – это система воздействий на экономику мер макроэкономической политики, передающихся с некоторой силой по экономическим структурам, секторам, объектам, формируя их реакции и способы адаптации, а также движение к определённым целям. Например, повышается процентная ставка как инструмент денежно-кредитной политики. Её влияние, передаваемое на экономику от данного повышения, на взаимосвязанные финансовый рынок и реальный сектор и представляет собой передаточный механизм влияния данного инструмента. Если так оценивать денежно-кредитную политику в целом, то рассматривается влияние всего набора методов этой политики, как они распространяются в экономике, приводя к изменениям в функционировании различных объектов. Любой передаточный механизм экономической политики имеет по существу институциональную часть, однако полностью институционального «передаточного механизма» представители этого течения не предложили, за исключением политики реформ, проводимой как ответ на кризис, либо иногда как превентивная антикризисная мера, а также мера трансформации экономики.

если изучение различных форм организации сделок обладает полезностью для выработки мер регулирования на микроэкономическом уровне, но может приводить к ожиданию решений в области макроуправления, то промежуточные институты являются явно искусственной конструкцией. Более того, их функционирование по идее должно подпадать под те полученные классические результаты, которые относимы к общим правилам.

Тем самым приведенные положения программы исследований в новом институционализме являются всего лишь небольшим шажком, а с точки зрения методологии – представляют магистральный подход этого теоретического направления, не принося большой новизны. Результаты также пока являются полемичными.

Нужно отметить, что старые и новые институционалисты¹⁰ всегда порождали массу проблем даже в области определения институтов как предмета анализа. По существу, каждый исследователь определял их для своего удобства, порождая значительное число пустых обобщающих работ, пытающихся уловить разницу в определениях¹¹, которые обычно вводятся нормативно, не предполагая значимых доказательств¹².

Кроме того, представители двух институциональных течений не смогли вырваться из шор «вмешательства государства», рассматривая влияние институтов на развитие исключительно в рамках данного термина. Особенно это относится к новой школе. Таким образом, даже на терминологическом уровне возникает неверная трактовка, отделяющая правила реализации экономической политики и государственное управление от экономики, придавая им экзогенный статус, поскольку применяется слово «вмешательство». Это существенно ослабляет значение институциональной парадигмы, так же как и бесконечные споры по поводу «человека экономического»¹³ и «человека институционального»¹⁴, когда разграничивают не противопоставляемое.

Биологические аналогии, в отличие от неоклассики, использующей принципы общей механики, с лёгкой руки старой институциональной школы стали

¹⁰ На протяжении второй половины XX века в значительном числе работ звучала острая критика старого институционализма [27, 35] как не теории, а неких описаний, и только с возникновением к 1975 году оформленной новой институциональной школы её стали отождествлять с институциональным анализом и подлинной теорией. Конечно, базис этой школы был заложен старыми институционалистами, в частности, Дж. Коммонсом, определившим трансакции, их издержки, влияние права собственности, судов и законов на экономику, включившим в анализ контракты (договорные отношения).

¹¹ Кстати, такой «сизифов труд» в области экономической науки широко распространён при подготовке диссертационных исследований, в частности, в России.

¹² Такие доказательства и не могут быть получены на уровне определений, но сам вводимый норматив, исполняя роль института в экономическом исследовании, может влиять и даже задавать результат (зависимый от вводимого определения объекта, явления, процесса, события и пр.).

¹³ Homo economicus – человек экономический или человек рациональный, действующий исключительно исходя из хозяйственного критерия получения наибольшего удовлетворения или прибыли, выгоды.

¹⁴ Человек институциональный – введён некоторыми представителями институциональной школы, представляет человека, который стремится к приемлемому удовлетворению с учётом нравственных правил, альтруизма, то есть это человек ограниченно рациональный, поведение которого не сводится только к экономическому критерию выбора. Автор в своей базовой работе 22 года назад показал, что такое разделение, тем более в аспекте противопоставления является бессмысленным при решении многих экономических задач [29].

применяться в институциональном анализе. Это нашло отражение и в ряде полезных моделей эволюционного типа¹⁵, при рассмотрении экономических популяций фирм, конкуренции [14]. Однако дарвинизм, базирующийся на принципе наследственности, изменчивости и естественного отбора, не мог дать однозначных объяснений институтам и организационным изменениям, поскольку в социальной эволюции, обгоняющей по темпу биологическую эволюцию, сильны и ламаркистские проявления, когда приобретаемые признаки в процессе функционирования организаций и институтов встраиваются в их генотип и передаются следующим поколениям работников, управленцев, представляющих организацию и т.д. Дж. Ходжсон рельефно показал применимость дарвиновской коэволюции организаций и окружающей среды [42]. Тем самым яркий представитель современной старой институциональной школы демонстрирует общетеоретическое и прикладное значение институционального подхода к актуальным проблемам современного развития в области решения экологических проблем соразмерно изменениям в организациях.

Дарвиновский принцип естественного отбора, что побеждает сильнейший и наиболее знающий не работает в социальной среде, поскольку известно множество случаев, когда победу в конкурентной борьбе одерживает не самый лучший. Этот результат организуется правилами и взаимодействием агентов, а в эволюционной экономике такое явление именуется как гиперселекция (сверх отбор). Данный исход рассматривается как специфический институциональный эффект. Он возникает ещё и потому, что присутствует эффект «размазывания институционального действия» [29]. То есть, вводя институты как способ коррекций экономики, их влияние происходит во времени, за которое они непредсказуемым образом взаимодействуют друг с другом, в связи с чем сила и эффект влияния могут снижаться, а целевой результат, ради которого осуществлялись коррекции — не достигаться. Изменения институтов (включая коррекции¹⁶) могут происходить с некой постоянной или изменяющейся скоростью. Если неоклассики считали, что на коротких интервалах времени институты не изменяются (скорость изменений равна нулю), то на длительном отрезке времени даже они рассматривали институты изменчивыми. Современная экономика показывает много примеров быстрых институциональных изменений, на коротком отрезке времени. Эта реальность обесценивает многие неоклассические модели, характеризующие «институциональную слепотой», но и резко актуализирует институциональные исследования, которые бы позволили учесть изменчивость институтов

¹⁵ Возникла эволюционная экономика, вобравшая часть идей Т. Веблена и подходы в области математических эволюционных моделей, применявшихся в биологии, демографии (уравнение «хищник-жертва») и др., а также шумпетеровской теории развития, рассматривающей движение экономики как взаимодействие новаторов-предпринимателей и консервативных агентов.

¹⁶ По формальным институтам (законы, нормативы, указы, утверждённые кодексы, установленные правила) эти изменения обычно сводятся к проводимым институциональным коррекциям, хотя в общем плане могут происходить в силу взаимодействия правил. Тем не менее сами формальные правила обычно автономные, то есть не провоцируют быстрых и значительных изменений друг друга. Эти изменения обычно осуществляются посредством политического механизма.

на коротких отрезках времени. При этом сохраняется вопрос — нужно ли изменять передаточный механизм экономической политики, если сама экономика в виде её институтов стала изменяться весьма быстро, а институциональные коррективы стали способом регулирования экономики на коротком интервале времени.

Значение скорости институциональных изменений было показано в ряде работ автора [29. С. 95–96] и формализовано в работе [30. С. 156–178]. Скорость изменений институтов может быть постоянной или изменяться¹⁷, однако она может оказаться такой по величине, что нарушит процессы адаптации, увеличивая расстройство функций¹⁸ по институциональной структуре экономики. Эффект дисфункции будет обесценивать результативность институциональных коррекций как метода проводимой экономической политики, если только они не будут направлены сразу на элиминирование дисфункции.

Современные институциональные исследования новой школы можно обозначить следующими основными направлениями.

Во-первых, объектом изучения выступают различные отрасли и виды деятельности с выявлением влияния институтов внутри этих секторов экономики, например, на производительность, выпуск и иные параметры, включая социальные, а также установление особенностей взаимного влияния различных институтов друг на друга [40]. В качестве методов используются экспертные оценки, опросы предприятий, индексный метод, в частности, институционально-отраслевые индексы или показатели. Отраслевая направленность исследований охватывает и проблемы управления, например, инфраструктурными проектами, мегапроектами [37], где микроэкономическая направленность новой институциональной школы как нельзя лучше освещает вопросы контрактации и применения проектных процедур (рутин). Существенную перспективу представляет изучение режима использования ресурсов, точнее институциональный ресурсный режим, то есть влияние правил на применение ресурсов, оценку и преодоление институциональной сложности, обеспечение устойчивости развития [41].

Во-вторых, рассмотрение собственно различных институтов на предмет оценки их эффективности/неэффективности, выявление их влияния на технологические факторы, распределительные конфликты, поведение групп, в том числе профессиональных, виды труда и т.д. Здесь возникает масса проблем, что неэффективно — управление, отдельные институты, технологии? Однако и управление, и технологии подчиняются правилам, причём часть из них всегда стабильны и не могут быть изменены на рассматриваемом интервале

¹⁷ Тем самым имеется некий потенциал институциональных изменений $dl/dt = a$, $dl/dt = \gamma(t)$, где l – потенциал институциональных изменений, характеризующий коррекцию правил, a – постоянная скорость его изменения, $\gamma(t)$ – функция скорости его изменения.

¹⁸ В этом случае осуществляемые воздействия на экономику будут приводить к снижению её институционального качества.

времени по объективным причинам (содержательная сторона технологии и её инфраструктурного обеспечения – ядро¹⁹) [29, 39, 44].

В-третьих, конечно, проводятся исследования микроэкономического уровня – контрактов, информации, распределения права собственности и его влияния на экономический выбор и поведение агентов. Данное направление составляет существо нового институционализма и развивается с момента зарождения этой школы, насчитывая гигантский объём научных работ²⁰.

Если говорить об истоках новой школы, то, безусловно, они в старом американском институционализме. В частности, именно его представителями были анонсированы следующие важные идеи институционального анализа:

- ограниченная рациональность агентов, видоизменяющая представления об экономическом выборе;
- транзакционные издержки²¹, как особый вид издержек по поиску информации, которая не бесплатная, заключению договоров, юридическому оформлению и осуществлению управления;
- асимметрия информации в контрактах, что воспроизводит информационное неравноправие агентов в сделках с очевидными последствиями в области распределения благосостояния и приобретения ими выгод;
- суды, право, формальные нормы сильно детерминируют экономическое развитие;
- экономический рост зависит от создаваемых базовых институтов и конституционных норм, представляя основополагающую цель социального развития (эта идея идёт от работ Т. Веблена [7–8])²².

Конечно, это наиболее значимые позиции, далеко не все идеи, которые были рождены старой институциональной школой и нашли развитие не только на протяжении XX, но и в XXI веке²³. На них построены целые научные

¹⁹ Для конкретной технологии оно не может быть изменено в силу специфики физики процесса, инженерных законов и пр.

²⁰ По этой причине они здесь не приводятся. Данная литература хорошо известна и составляет теоретический каркас нового институционального анализа. К ней относятся источники по неполным контрактам, асимметрии информации, неблагоприятному отбору, внешним эффектам и пр.

²¹ Особо отметим, что нет согласия среди экономистов, как учитывать эти издержки. Созданы различные типизации этого вида издержек и вытекающие калькуляции. Это даёт неоднозначные оценки издержек. Современная система бухгалтерского учёта не выделяет под эти издержки специальной строки, они учитываются по накладным расходам фирм. Таково реальное положение вещей. В связи с чем каждый исследователь формирует свой подход либо принимает ту или иную уже известную типизацию и калькуляцию этих издержек.

²² В некоторых работах его считали даже отцом кейнсианства и макроэкономики.

²³ Технократизм и влияние технологий [7–8, 4–5, 18, 24] рассматривались в виде ведущего фактора и перспективы для современного капитализма. Правда, нынешние поборники кейнсианства типа Дж. Стиглица предлагают лишь косметические меры реформ институтов [28], даже в сильной степени не подчёркивая значение технологий и технологической гонки, хотя эта лексика присутствует в его работах. Французская школа дала представление о регуляции, полюсах развития, применении селективного принципа, институциональном и индикативном планировании и многое другое [3, 27, 29].

направления, в частности, новая институциональная школа, теории роста и развития, технологических изменений, институциональных эффектов и др.

Таким образом, институциональная парадигма обеспечила рост разнообразия экономического знания, его диверсификацию, что явилось ответом на высокую сложность познаваемых явлений. Неоклассическая экономика в погоне за универсальностью фактически не рассмотрела значения правил, не исследовала чувствительность к институтам различных релевантных параметров на различных уровнях хозяйства.

Именно этот фундаментальный недостаток, отрывающий модели неоклассики от реальности, пытается преодолеть институциональная парадигма, формируя различные направления исследований (диверсификация анализа), не отвергая «проекта микрооснований», наоборот, акцентируя на микроэкономических процессах своё внимание. При этом институциональная макроэкономика получает некоторые ограничения, из которых вытекает узость влияния на макроэкономическую политику, поскольку все микроэффекты собрать и учесть становится невозможно. В итоге макроэкономические действия часто приходят в конфликт с необходимыми рекомендациями для микроэкономического уровня. Это обстоятельство требует согласования полученных результатов в рамках современной институциональной парадигмы, а также преодоления методологических ограничений институциональной теории, которые суммарно сведём в виде следующих положений:

- эклектичный и дифференцированный характер институциональной школы и институционального анализа (высокая диверсификация направлений, объектов исследования без установления связи между объектами²⁴);
- описательный характер старой школы и излишне формализованный новой институциональной школы, использующей фактически все принципы неоклассики только с некоторой их коррекцией, отражаемой в попытках модельных построений;

²⁴ Это характерно для подхода Э. Остром, О. Уильямсона, Р. Коуза и их последователей, представителей указанных школ. Попытки Д. Норта собрать разрозненные взгляды под единую шапку системно-исторических рассуждений свелись к оценкам изменения институтов в длительно-историческом контексте, что также ограничивает подход, так как в связи с непостоянством скорости изменений предпринятые ранее исторические обобщения и измерения не будут действовать в силу набора иных причин и развития ситуации по принципу «эволюционного наслоения» в будущем [30]. Конечно, отдельные области удастся изучить, понять некие причинно-следственные связи, но в широком контексте даже релевантная информация отсутствует [9]. Однако и погоня за системностью и холизмом не даст результата, превращая все обсуждения лишь в констатацию необходимости, без существенных доказательств даже такой необходимости. Дискуссия сводится к такому тезису: вот хорошо бы так, потому что так было бы полезно. А насколько возможно разработать такую теорию – ответа не даётся. Поэтому возникающие сверхновые «институционализмы», на мой взгляд, запутывают даже в методологическом плане ситуацию с возможностью развития прежних направлений, отрицая уже их результаты (это относится к некоему так называемому «постинституционализму», название которого, видимо, дано аналогично посткейнсианству, но в отличие от последнего, он ничего не привносит в решение методологических проблем институциональной теории).

- построение базовых принципов на антитезе к неоклассике, что автоматически порождает дихотомию на уровне принципов, также упрощая и искажая реальную ситуацию, где присутствует и рациональность, и альтруизм;
- отход от равновесных представлений, являющийся вполне обоснованным, тем не менее не позволяет включить в неравновесные ситуации институты;
- высокое разнообразие институтов и решений по ним подрывают возможность точного измерения как эффективности, так и иных параметров, поскольку они являются динамическими, и пока институт не функционировал некоторое время что-то сказать о них можно лишь предположительно; в иной среде те же правила работают по-иному, с другими функциональными характеристиками и эффективностью, в связи с чем заимствование становится трудной стратегией институциональной коррекции, часто неадекватной на практике;
- выделяемые издержки²⁵ (транзакционные) призваны характеризовать эффективность институтов, тем не менее они ничего не говорят об эффективности, так как эффективность предполагает оценку не только издержек, но и выгод, которые требуется оценить; подобные оценки в некоторый момент времени могут присутствовать только гипотетически, так как все параметры динамически изменяются, а выгоды, которые приносит институт — это не тривиальная оценка (очень сложная²⁶), поскольку будущие выгоды известны только предположительно;
- институциональные школы не дают ответа в части связи институтов с базовыми факторами развития — капиталом и трудом, причём правила, регулирующие инвестиции — одни, а эксплуатации основного капитала (фондов) — другие, труда — свои собственные.

Конечно, это далеко не все методологические трудности. Применяемый индуктивный метод имеет ограничения, как и абстрактно-дедуктивный, который используется новой институциональной школой. Информация высоко неоднородна, искажается на каждом уровне её получения и обработки, влияя на ценовые изменения, что весьма не просто учесть в аспекте исследования влияния институтов на рост и развитие, а также рассматривая схемы конкретной

²⁵ Как известно, Дуглас Норт и Дж. Уоллес, и последователи выделяли транзакционный сектор экономики на уровне макросистемы (Wallis J., North D. Measuring the transaction sector in the American economy, 1870–970. In: Engerman S.L., Gallman R.E., eds. Long-term factors in American economic growth // Chicago, London: University of Chicago Press; 1986: 95–162). Суммировались все транзакционные издержки во всех видах деятельности, что и определяло такой сектор. Однако данный подход весьма некорректен, ибо такого сектора в реалиях нет как сектора. Правильнее называть это суммарными транзакционными издержками в экономике, но не сектором. К транзакционному сектору можно отнести виды деятельности, где транзакционные издержки являются полными издержками, характеризуя всю деятельность. Более подробно этот подход был реализован: Сухарев О.С. Инвестиции в транзакционный сектор и в финансовые активы: влияние на экономический рост. Финансы: теория и практика / Finance: Theory and Practice. 2020; 24(3): 60–80.

²⁶ Издержки его функционирования калькулируются проще.

контрактации на уровне фирм и рынков. Присутствуют и иные особенности, а также свойства и эффекты [31].

Таким образом, совокупность сохраняющихся методологических проблем институциональной теории лимитирует её возможности как в познании влияния институтов на экономику, так, что особенно важно, и в формировании мер политического воздействия. Причём сами эти меры изменяют институты, которые трансформируют реакции агентов, сказываясь на общем результате динамики. Спрогнозировать такие изменения остаётся пока весьма проблематично для современной экономической науки при данной организации капиталистических институтов.

Моделирование институтов составляет отдельное научное направление, но и оно не является безупречным²⁷. Если факторы развития неоклассики свели в мультипликативную функцию Кобба–Дугласа, то институциональная функция аналогичного вида представила бы весьма неоднозначную конструкцию. Дело в том, что капитал и труд зависят от своего набора институтов, причём они могут действовать и друг на друга, то есть $Y = A K^a L^b$, $K = f(I_K)$, $L = h(I_L)$, $I_K = u(I_L)$, где I_K , I_L – соответственно, совокупность институтов, влияющих на капитал и труд (по суммарному институциональному влиянию). Но ведь совокупное влияние институтов на капитал и труд надо выявить и измерить, а указанные функции получить. Если это возможно сделать, тогда смысл строить институциональную функцию для экономики отсутствует, поскольку изменение капитала и труда будет отражать агрегированное влияние групп институтов. Разумеется, производственная функция может применяться, если нет сильной зависимости между трудом и капиталом²⁸.

Построение моделей преследует цель – объяснить причины и ход изменений, что ставилось ортодоксии на вид со стороны представителей институциональной школы [29–30]. Но сами модели могут запутывать или предрешить оценку изменений. В этом их методологическая слабость.

Поэтому модельный инструментарий может быть сопровождающим конкретно-эмпирические исследования, ставящие чётко сформулированные цели познания данных событий и явлений, с необходимой выработкой обоснованных воздействий на них для достижения задач развития экономики и общества.

Покажем, каким образом могут возникать неверные оценки в институциональном анализе на примере измерения эффективности²⁹ институтов.

Допустим, имеются два института I_1 и I_2 , регулирующих одну и ту же область или объект, так что один институт может заменить другой институт. Оба института

²⁷ См. подробнее [10, 21–22], а также Сухарев О.С. Экономическая теория эволюции институтов и технологий // М.: Ленанд, 2019. 312 с.

²⁸ В случае коллинеарных факторов должна подыскиваться иная модель, определяющая влияние на продукт (ВВП) Y .

²⁹ Критерием эффективности является стандартное правило: разница выгод и затрат на единицу затрат. Под затратами имеются в виду трансакционные издержки функционирования института.

созданы внутри данного общества, отдельно рассмотрим ситуацию, когда один из них заимствуется из внешней социальной среды.

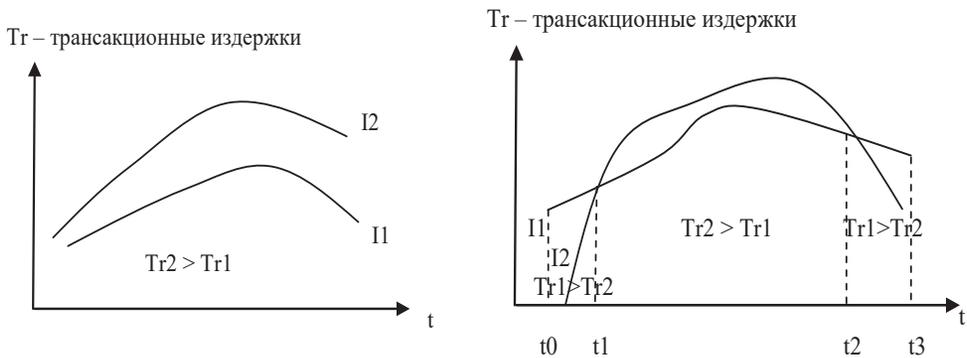

Рис. 1. Динамика транзакционных издержек двух институтов I1 и I2

На рисунке 1 слева показано, что транзакционные издержки второго института (I2) на всем наблюдаемом отрезке времени превышают издержки первого института (I1). Если критерием принятия решения полагать величину транзакционных издержек, то при равнозначности регулирующей функции первый институт не может быть заменён вторым институтом, поскольку последний показывает большие издержки. Иногда в институциональном анализе, к сожалению, присутствует именно такая логика³⁰. Однако указанное превосходство издержек на рисунке 1 слева может отвечать ситуации на отрезке времени $[t1, t2]$ справа, где издержки второго института выше, нежели первого. Но на интервале до времени $t1$, а также после времени $t2$ издержки именно первого института оказываются выше, чем второго. Тогда, по идее, если следовать указанному критерию, нужно сопоставить издержки за весь период. На данных интервалах замена становится возможной. Проблема в том, что принятие решения о замене первого института вторым принимается в конкретное время, где издержки второго могут оказаться выше, чем первого, или, наоборот. В последнем случае будет принято решение в пользу замены первого института вторым, но исследователь не будет догадываться, что на следующем этапе функционирования института он станет очень дорогим — издержки возрастут

³⁰ Имеются отдельные, совсем экстравагантные, как и нелепые, случаи, когда исследователь вводит некую теорему, якобы описывающую рост транзакционных издержек как закономерное увеличение числа институтов. Это аналогично тому, что рост ВВП сопровождается ростом издержек. Причём применительно к институтам и институциональному планированию ставится задача минимизации транзакционных издержек, но факт их роста обозначается такими исследователями как некое противопоставление задачи минимизации, облекаясь в форму абсолютно неадекватных умозаключений. К сожалению, именно в российском институциональном дискурсе появляются столь непродуманные работы, не учитывающие даже то, что на рост издержек с ростом числа институтов обращают внимание многие исследователи, однако это не снимает задачу минимизации издержек в общеэкономическом ключе, как и прочих видов издержек.

и превысят затраты функционирования первого института. Именно отсутствие представления у исследователя обо всем интервале $[t_0, t_3]$ времени функционирования институтов, затрудняет выбор по указанному критерию. Но самое важное, что сам критерий является неадекватным критерием выбора – принятия решения. Институт, показывающий большие издержки может предоставить агентам и большую выгоду, так что эффективность окажется более высокой.

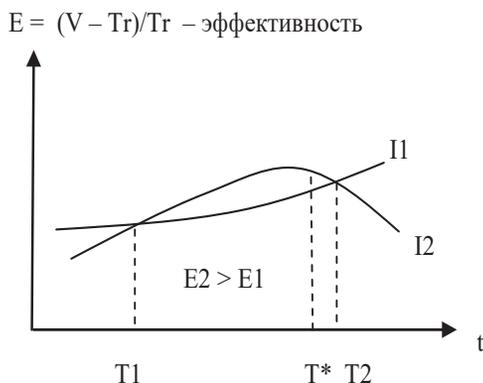

Рис. 2. Динамика эффективности двух институтов I1 и I2

Ситуацию хорошо отражает рисунок 2, на котором видно превосходство второго института над первым на интервале $[T1, T2]$ по эффективности. Если решение принимается согласно такому критерию в момент T^* , то оно будет принято в пользу замены первого института вторым. Исследователь, или лицо, принимающее решение, не могут знать, что в течение короткого отрезка $[T^*, T2]$ ситуация изменится в пользу первого института, который можно не менять на второй, сохранить и через незначительный по продолжительности отрезок времени получить его превосходство по эффективности. Именно динамический аспект жизни институтов не учитывают при принятии решений и планировании институциональных коррекций. Большой проблемой становится и критерий для принятия решения, поскольку если затраты, включая и предполагаемые (ожидаемые), оценить как-то возможно на некоем интервале времени, то оценить будущую выгоду (V), которую даёт институт, да ещё сопоставить с тем, какую даст тот институт, который ещё не введён на замену действующему, представляется весьма трудной задачей. Нужно подчеркнуть, что на сегодня её можно признать нерешённой в области институционального анализа и экономической науки в целом.

Многие институциональные изменения изучаются ретроспективно, включая и неопределённости, то есть, когда результаты уже получены и можно построить кривые затрат (Рис. 1) и эффективности (Рис. 2). Конечно, если сравнивать оба

рисунка, то с позиций применяемого критерия наиболее адекватно использовать рисунок 2, то есть настоящую эффективность. Издержки не позволяют принять верное решение. Это легко показать, введя соотношение издержек и эффективности. Например, $Tr_2 = 2Tr_1$, $V_2 = 3V_1$ – транзакционные издержки второго института в 2 раза превосходят издержки первого (это отвечает Рис. 1 слева или справа на отрезке $[t_1, t_2]$, где $Tr_2 > Tr_1$), но и выгода, приносимая вторым институтом в 3 раза выше выгоды, которую даёт первый институт. В таком случае не трудно показать, учтя, что эффективность $E = (V - Tr)/Tr$, что $E_2 = 3E_1/2 + 1/2$, то есть $E_2 > E_1$. Таким образом, имея более высокие издержки функционирования, второй институт имеет и более высокую эффективность. Поэтому замена им первого института будет вполне обоснованной. Разумеется, принятие решения осуществляется по графикам рисунков 1-2, но они могут быть построены только ретроспективно. Информации, что будет с издержками институтов и их эффективностью в следующий период, ни исследователь, ни лицо, принимающее решение, тем более не имеют.

Даже та информация, которая приводится в примере по второму институту, который ещё не заместил первый институт, может быть получена, только если второй институт где-то функционирует, и по нему имеется оценка затрат. Но в таком случае адаптационные издержки перенесения института из одной социальной среды в другую должны учитываться при оценке его предполагаемой эффективности в новой среде (по итогам заимствования и перенесения).

Только количественных оценок будет явно недостаточно, так как важны функции института, качество его функционирования, которое напрямую может быть не связано с величиной транзакционных издержек и даже эффективностью. Это вводит ряд важных нетривиальных (ограничивающих критериев) условий в область институционального планирования и проектирования.

Таким образом, сохраняющаяся фундаментальная методологическая проблема институционального анализа сводится к тому, что пока институт не введён и не функционировал какое-то время, сказать что-то о его эффективности и издержках, как и приносимых выгодах, можно только предположительно, даже если он функционировал уже какое-то время в иной социальной среде, либо опираясь на прошлые результаты. Более того, утверждение, будто оценка эффективности институтов может исходить из расчёта экономии транзакционных издержек, оказывается неверным, так как подобная экономия при её важности, тем не менее может ничего не сказать про эффективность. А сравнивая два института, показавшие какую-то экономию транзакционных издержек, столкнёмся с показанным выше примером.

Любое правило подчиняется своему жизненному циклу – от идеи, проектирования, ввода в действие до наращивания эффективности, затем её снижения и замены института или вывода из экономического пространства институтов. Проблема же в том, что у институтов своя продолжительность такого жизненного

цикла, причём каждой его фазы. Она зависит и от содержания института, окружения, многих иных обстоятельств, включая проводимую экономическую политику, её «передаточный механизм». Одна из основных претензий, предъявляемых на протяжении почти столетия институционализму, сводилась именно к тому, что он не обозначает точного «передаточного механизма» политики, то есть не создаёт в своих рекомендациях определённого инструментального набора, воздействующего на экономику на макроуровне.

Таким образом, отмеченный вал научной литературы по неоинституциональному анализу не позволяет разрешить изложенных здесь и весьма значимых методологических проблем, имманентно присущих институциональной парадигме знания. Мода, а также потребность выяснить роль отдельных правил на функционирование объектов экономики заставляет исследователей прилагать соответствующие усилия. Однако вряд ли можно назвать это расцветом данного течения, поскольку обозначенные проблемы настолько серьёзны, что если и не говорят о кризисе данного знания, ориентируя его преимущественно в плоскость пока бесплодных методологических дискуссий и критических замечаний, то со всей очевидностью подчёркивают сильно ограниченные возможности в оценке многих событий, особенно макроэкономического масштаба.

Институты составляют каркас хозяйственного развития, формируя и обеспечивая генезис многих социально-экономических явлений. В связи с этим изменение институтов также является весьма сильным способом проведения экономической политики. Правила задают функционирование рынков, ценообразования, тем самым внося свой вклад в динамику цен, состояние рынка труда, определяя производственные возможности. Однако изучение такого влияния имеет большие пробелы, а «институциональная макроэкономика» является, как не удивительно, наиболее неразвитым, с авторской точки зрения³¹, направлением анализа, несмотря на определяющий вклад институциональной школы в становление макроэкономического направления науки. Покажем наличие сложностей в изучении, например, «институциональной инфляции» [29. С. 408] и формировании институционального передаточного механизма политики.

Институты, «передаточный механизм» экономической политики и инфляция. Инструменты экономической политики и институты, регулирующие основные функции управления (планирование, контроль координация и др.) составляют, с определённой силой влияя на экономику и распространяя своё влияние на различные её сферы, сектора, объекты, «передаточный механизм» экономической политики. Он в значительной степени институционально детерминирован, а также возникает на базе тех или иных теоретических представлений,

³¹ Это, надеюсь, подтверждают и выдвигаемые в статье аргументы для институциональной экономической теории и её методологии.

влияющих на формирование макроэкономической политики. Тем самым каждая научная школа вносила свой вклад в разработку такого механизма. Применительно к макроэкономическому уровню наибольший успех приобрели кейнсианские направления анализа, неоклассические школы («экономика предложения», монетаризм, теория рациональных и адаптивных ожиданий, теория реального цикла и др.)³². Институционализм в перечисленной когорте теоретических концептов имеет куда более скромное влияние на экономическую политику. Казалось бы, выход на первые позиции инструмента институциональных коррекций должен возвысить влияние данной научной школы на формирование «передаточного механизма», но такой исход пока рельефно не просматривается в поведении политического истеблишмента. Развитие теории игр применительно к институциональным проблемам также существенно не проясняет сложившуюся ситуацию. Институциональные модификации проводятся сами по себе, а виды денежно-кредитной и фискальной политики реализуются как бы вне прямой связи с ними. Следует отметить, что теоретические доктрины, предопределявшие экономическую политику и её «передаточный механизм» на хозяйственную систему на каком-то интервале времени, затем уступали своё место иным теоретическим конструкциям. Это происходило часто вследствие того, что передаточный механизм оказывался бессильным в возникающей кризисной ситуации, либо не давал необходимого варианта развития экономики. Кроме того, осуществляемые институциональные трансформации могли обесценить применение той или иной доктрины в качестве базы текущего передаточного механизма макроэкономической политики.

Каждый из применяемых передаточных механизмов с течением времени утрачивал силу, так как изменялась экономика, её институты, что провоцировало иные реакции агентов, нежели ранее, при вводе мер экономической политики. Например, кейнсианский передаточный механизм провоцировал увеличение инфляции, дефицит бюджета, рост долга, с возможной дестабилизацией валютно-финансового рынка. Монетаристский, наоборот, — сокращение занятости, торможение развития производства, ущемление социальных прав и возможностей, зато ставил задачу оздоровления макрофинансов и счетов платёжного баланса. В ранней авторской работе [29. С. 275–287] изложена подробно теория «передаточного механизма», выделены варианты теоретической основы различных механизмов с конкретизацией содержания и основных результатов применения. Передаточные механизмы отличаются по причине различий между

³² Кейнсианский «передаточный механизм» по своему содержанию противоположен монетаристскому. Если первый исходил из стимулирования совокупного спроса, предполагая авансирование развития экономики, то монетаристский предполагал принцип гистерезиса, то есть увеличение денежной массы соразмерно росту ВВП. Неявно предполагалось, что такое увеличение может происходить синхронно, но на практике это означало, что рост поддерживается предшествующей величиной денежной массы [29. С. 279].

теоретическими школами, оказавшими наибольшее влияние на их формирование, но также зависят от типа экономической системы, где они могут и должны применяться, исходя из задач развития. В рамках выделяемых типов экономики (централизованная, переходная и смешанная) можно обнаружить три базовых передаточных механизма – стандартный, улучшенный и абсолютно новый [29. С. 282]. Отметим, что китайская экономика, относимая к централизованному типу, показывает абсолютно новый передаточный механизм экономической политики. Для него характерно применение различных видов собственности как базы развития, постепенная либерализация рынка (под контролем), опора на внутренний рынок и методы его стимулирования, похожие на кейнсианский механизм. Обоснована политика замещения импорта и абсорбции зарубежных технологий при ведущей роли внутренних инвестиций с широким одновременным развитием потребительского рынка за счёт повышения производительности в промышленности и сельском хозяйстве, качества инфраструктуры.

Таким образом, этот новый механизм для централизованно управляемой экономики включает элементы прежних, уже известных инструментов и пригодные институциональные коррекции, учитывающие специфику конкретной страны и её возможности.

Показанная в авторской работе [29] эволюция передаточных механизмов экономической политики по существу высвечивает контуры институционального инструментария, применяемого на уровне формирования каждого такого механизма для решения задач развития.

При этом следует отметить, что вводимые институты могут оказывать влияние на изменение таких важных индикаторов функционирования экономики, как цены. Общепринято считать, что их повышательная динамика наблюдается при росте спроса, издержек, денежной массы. Конечно, экономическая структура (уровень монополизма) влияет на динамику цен в экономике, провоцируя инфляцию. Однако, выявить, что именно сильнее влияет на инфляционные процессы, экономическая наука умеет, но не без сильных оговорок, поскольку названные обстоятельства оказываются взаимосвязанными, а правила ценообразования, как и прочие институты, также способны провоцировать повышение цен. Борьба с инфляцией всегда закладывалась в основу известных «передаточных механизмов» экономической политики (кейнсианские, монетаристские и пр.). Однако если инфляция провоцируется институтами, тогда было бы неплохо попытаться как-то учесть именно это влияние, поскольку, проводя какую-то денежную политику, можно не увидеть именно указанное влияние, которое будет подрывать эффективность использования налаженных мер в денежно-кредитной и финансовой сферах.

Конечно, видимо, можно считать под институциональным «передаточным механизмом» экономической политики проводимые реформы (исходя из так

называемой теории реформ). Но это теоретическое направление ещё окончательно не сформировалось, даёт приблизительные оценки, пользуясь аппаратом классической экономики с институциональными привнесениями. Кроме того, здесь также отсутствуют связи со стандартным набором мер макроэкономической политики, что должно стать предметной областью для «институциональной макроэкономики».

В институциональном смысле различные инструменты экономической политики могут проявлять накопительный эффект, когда объект воздействия уже практически не реагирует на дальнейшее применение этих инструментов, или, наоборот, проявляет сверхчувствительность к ним. Таким образом, проявляются соответственно отрицательный и положительный накопительные эффекты, которые может проявлять денежно-кредитная, финансовая, бюджетная политика и другие способы влияния, в частности, институциональные коррекции. Частая смена институтов или их модификация может вызывать нечувствительность к дальнейшим изменениям.

Изучение же провокации институтами роста цен представляется весьма сложной задачей, поскольку высоко многообразие правил, и они по-разному влияют на цены. Однако из имеющегося набора основных правил можно выделить наиболее влиятельные на динамику цен институты. Если оперировать понятием выгоды (V) от вводимых правил и издержек их функционирования (Tr), тогда эффект $Z = V - Tr$. Если правила влияют на цены, но их создание напрямую не оплачивается всеми агентами, а исполнять, использовать правило должны все без исключения, то в таком случае институты подпадают под определение своеобразного общественного блага. Причём предположение о наличии их влияния на цены позволяет говорить (в виде модельного допущения) о том, что выгоду (V) можно представить как число этих институтов (I), помноженное на некую функцию $F(I)$, воплощающую наличие предполагаемой связи этих институтов для данного момента времени и уровня цен³³.

В таком случае $Z = I * F(I) - Tr$. Если исходить из требования наибольшего эффекта, зависящего от числа институтов, то $dZ/dI = 0$. В таком случае имеем: $F(I) + I * dF(I)/dI - dTr/dI = 0$. Откуда вытекает, что изменение издержек функционирования институтов (включая проектирование и ввод) в точке наибольшего эффекта как минимум в I раз превышает изменение функции, связывающей институты и уровень цен (если значение $F(I)$ больше нуля). Институциональную инфляцию характеризует величина $dF(I)/dI$. Она при наибольшем эффекте определяется

³³ В работе автора [29. С. 408], написанной более двадцати лет назад, для оценки выгоды вместо этой функции для упрощения вводилось выражение $V = I\rho$, где ρ – уровень цен. Конечно, это сильное упрощение связи, использовалось для демонстрации сложности подхода исследования институциональной инфляции. Здесь приводится более приемлемый общий вариант, хотя полученный результат по существу сохраняется. Хотя имеется и совсем простая формулировка, что изменение выгод должно равняться изменению издержек.

темпом роста издержек вводимых институтов ($(1/I)(dTr/dI)$) за вычетом функции $F(I)$, приходящейся на один институт $F(I)/I$ ³⁴.

Предпринятые выкладки недвусмысленно подтверждают, насколько трудно описать связь институтов и создаваемой ими динамики цен. Эти связи показаны на Рис. 3, отражающем теоретически возможные варианты такой динамики.

Слева на рисунке 3 с ростом числа институтов инфляция понижается, затем после некоторого их числа возрастает. Это может быть связано с ростом издержек транзакций, снижением их эффективности. Справа на рисунке 3 при некотором числе институтов I^* темп инфляции равен нулю. При большем значении $I > I^*$ темп возрастает, при $I < I^*$ становится отрицательным, инфляция снижается. Конечно, число институтов не отражает напрямую содержания – в аспекте влияния на цены. Но функция $F(I)$ должна воплощать учёт данного обстоятельства, поскольку каждый из институтов вносит свой собственный вклад в динамику цен. Некоторые из них вообще не влияют на цены, или это влияние крайне мало (устойчиво не влияющие на цены институты, конечно, должны выводиться из рассмотрения).

Таким образом, сложность задачи и отсутствие убедительных методов затрудняет её решение. Правительствам проще ориентироваться на регистрируемую динамику цен и регулировать все причастные институты – налоги, тарифы, ценообразование, отраслевые рынки и монополизм, что и происходит на практике. Если бы найти точное решение, а здесь оно только обозначено, как и в прошлой работе автора [29], тогда можно было бы вести речь о проектировании институционального передаточного механизма макроэкономической политики. Пока же используют лишь отдельные коррекции для смягчения повышательной динамики цен, представляя их в отраслевом разрезе, либо привязывая к отдельным рынкам, например, рынку труда.

Однако наличие измерительных или модельных трудностей не означает отсутствие влияния институтов на инфляцию. Конечно, особо сильным оно может быть у правил организации денежной и финансовой системы, ценообразования и монополизации экономической деятельности. На отдельных правилах базируется затратный механизм, провоцирующий рост цен, например, тарифная политика на энергетические и иные сырьевые компоненты и т.д. Выделяя наиболее значимые институты, в частности, указанные, а также институты налоговой системы и регулирования издержек, можно выстроить модели влияния правил на динамику цен, по крайней мере, сначала в отраслевом разрезе, затем применительно к макроэкономическому уровню. Когда институциональные коррекции

³⁴ Второе дифференцирование, предпринятое в работе [29], справедливо лишь для линейно возрастающего эффекта. Это замечание ещё в 2007 году сделал к. ф-м. н. В. Туганов, а проверил и подтвердил для линейно возрастающего эффекта д. ф-м. н., проф. И. Рудаков, за что автор выражает им ещё раз свою признательность. В принципе, операция повторного дифференцирования данного выражения не играет никакой роли для получения приведенного здесь вывода, который виден по первой производной эффекта $dZ/dt = 0$.

стали чуть ли не главным методом влияния на экономическое развитие, такая задача стала весьма актуальной, и требующей своего решения.

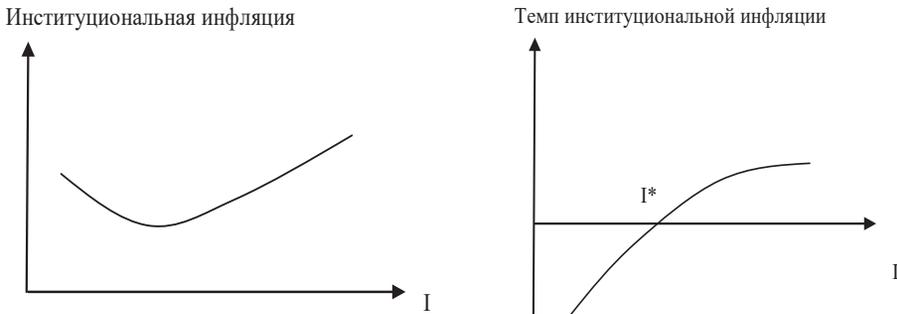

Рис. 3. Институциональная инфляция

Дисфункция институтов [31] может увеличивать институциональную инфляцию, но количественные оценки не позволяют учесть это обстоятельство. Тем самым методологические проблемы институционализма значительно шире общепринятых формулировок [27, 35]. Когда создается теория транзакционных издержек, уходит из поля зрения вопрос о теории производственных издержек, согласовании указанных двух теорий, в том числе, в виде теории цен. А теория транзакционных издержек может полноценно описать и объяснить события только там, где они являются полными издержками, то есть для отдельных секторов и видов экономической деятельности. Где проявляются иные издержки, теория транзакционных издержек по определению не может ничего сказать о детерминантных факторах динамики. Если институционализм делает теорию транзакционных издержек своей интеллектуальной основой, тогда он замыкает предметное поле только этими видами деятельности, где данные издержки являются полными — и иного не дано. Другое видение и описание издержек потребует более глубоких теоретических обобщений в контексте связности издержек и влияния друг на друга и иных факторов развития.

Обозначенные весьма примитивные исходы не могут быть атрибутом расцвета теоретической доктрины, если и не означают упадка, то как минимум подтверждают наличие неразрешимых пока проблем. Складывается впечатление, что эти проблемы и никому не нужны. Большая команда новых институционалистов продолжает свои модные изыскания, не подвергая собственный интеллектуальный фундамент сомнению и тем более пересмотру. Конечно, методологический потенциал далеко не исчерпан, а попытки разочароваться в нём оканчиваются хуже, чем использовать и развивать, а именно — бессмысленным риторическим спором, появлением «сверхновых институционализмов», для которых даже отличия от старых форм трудно установить.

* * *

Подводя итог, отметим релевантные выводы.

Во-первых, институциональная теория, несмотря на свою высокую неоднородность, испытывает значительные трудности саморазвития, поскольку исходные допущения и методологические фетиши развёртываемой сегодня дискуссии о разных институционализмах лишены прикладных основ, уводят от содержательных проблем. Хотя изначально институционализм возник как прикладная теория микроэкономического уровня и имел прикладную исследовательскую программу.

Во-вторых, одной из весомых методологических проблем институционализма выступает при росте масштаба институциональных коррекций как метода экономической политики отсутствие действенных рекомендаций в рамках передаточного механизма макроэкономической политики.

В-третьих, исследованные в статье обстоятельства подтверждают если не упадок или кризис, то слабость институционализма по многим направлениям экономического развития, включая совершенство собственного аппарата познания институциональных явлений. Исходя из этого, возникают и должны формироваться задачи развития данного течения экономической мысли [29, 31], которые внушают оптимизм, только если связаны с решением конкретных проблем регулирования развития, а не с бесплодными спорами о холистическом подходе, системности, институциональных дизайнах и множестве создаваемых риторических нагромождений, полностью дезориентирующих (в жёстком утверждении – дискредитирующих) данное научное направление³⁵.

Стандартные передаточные механизмы экономической политики во многом устарели, требуют модификации, а экономическая наука в лице своего модного неинституционального направления (как и старого институционализма) не в состоянии предложить хотя бы значимые добавки к используемым практикам. Их уточнение происходит в рамках прежних школ экономической науки, некогда доминирующих в области обоснования и проведения экономической политики. Поэтому метод наращивания научного результата имеет и здесь большую перспективу, позволяя включить институциональный анализ в теорию передаточных механизмов экономической политики, в том числе усиливая исследования по влиянию институтов на инфляцию, занятость, и другие практически значимые проблемы хозяйственного и общественного развития.

Литература

1. *Алле М.* Экономика как наука // М.: Наука для общества. РГГУ. 1995. 168 с.
2. *Бьюкенен Дж.* Сочинения. / Фонд экономической инициативы // М.: Таурус-Альфа. 1997. 560 с.

³⁵ Это широко практикуется сегодня в мире, включая и некоторых российских экономистов, представителей институционального направления.

3. *Буаёе Р.* Теория регуляции // М.: Наука для общества. РГГУ. 1997. 213 с.
4. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития // М.: Владар. 1993. 310 с.
5. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество // М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica. 2004. 602 с.
6. *Гэлбрейт Дж.* Экономика невинного обмана // М.: Европа. 2000. 88 с.
7. *Веблен Т.* Теория праздного класса // М.: Либроком. 2010. 368 с.
8. *Веблен Т.* Теория делового предприятия // М.: Дело. 2007. 288 с.
9. *Клейнер Г.Б.* Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. 2002. №10. С. 47–69.
10. *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем // М.: Наука. 2004. 240 с.
11. *Коммонс Дж.* Правовые основания капитализма // М.: Издательский дом ВШЭ. 2011. 416 с.
12. *Коуз Р.* Фирма. Рынок. Право. // М.: Дело. 1993. 192 с.
13. *Менар К.* Экономика организаций // М.: Инфра-М. 1996. 160 с.
14. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений // М.: Финстатинформ. 2000. 474 с.
15. *Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория // М.: Эдиториал УРСС. 2002. 416 с.
16. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997. 180 с.
17. *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений // М.: Издательский дом ГУУ – ВШЭ. 2010. 256 с.
18. *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз // М.: Новое издательство. 2013. 324 с.
19. *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп – М.: Фонд экономической инициативы, 1995 – 174 с.
20. *Остром Э.* Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности // М.: ИРИСЭН. «Мысль». 2011. 447 с.
21. *Полтерович В.М.* Оптимальный выбор экономических институтов // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. № 4. С. 52–58.
22. *Попов Е.В.* Институты // Екатеринбург: ИЭ УрО РАН. 2015. 712 с.
23. *Попов Е.В.* Эволюция институтов миниэкономики // М.: Наука. 2007. 542 с.
24. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал // М.: Дело. 2011. 232 с.
25. *Природа фирмы* // М.: Дело. 2001. 360 с.
26. *Смит В.* Переосмысление экономики: классическое понимание / Экономика для любопытных. О чём размышляют Нобелевские лауреаты? // М.: Издательство института Гайдара. 2017. С. 37–54.
27. *Сорокина С.Г.* Сценарии будущего или иллюзии прошлого? Об институционализме как направлении буржуазной экономической мысли // М.: Либроком. 2011. 176 с.
28. *Стиглиц Дж.* Люди, власть и прибыль. Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства // М.: Альбина Паблишер. 2020. 430 с.
29. *Сухарев О.С.* Институциональная теория и экономическая политика // М.: ИЭ РАН. 2001. 576 с.
30. *Сухарев О.С.* Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход) // М.: Финансы и статистика. 2011. 432 с.
31. *Сухарев О.С.* Методологические проблемы и перспективы современного институционализма // ЖЭТ. 2020. № 4. С. 904–921.

32. *Сухарев О.С.* Спасение капитализма посредством «прогрессивного капитализма» (об утопической доктрине Дж. Стиглица) // *Экономист*. 2020. № 12. С. 32–48.
33. *Таллок Г.* Общественные блага, распределение и поиск ренты // М.: Издательство института Гайдара. 2011. 224 с.
34. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма // СПб.: Лениздат. 1996. 702 с.
35. *Ходжсон Дж.* Экономическая теория и институты // М.: Дело. 2003. 464 с.
36. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты // М.: Дело. 2001. 408 с.
37. *Biesenthal C., Clegg S., Mahalingam A., Sankaran S.* Applying institutional theories to managing megaprojects // *International Journal of Project Management*. Vol. 36. Issue 1. 2018. P. 43–54.
38. *Commons J.R.* Institutional Economics // *American Economic Review*. 1931. Vol. 21. № 4. P. 648–657.
39. *Davanzati G.F.* Structural change driven by institutions: Thorstein Veblen revised // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 45. June 2018. P. 105–110.
40. *Elango B., Dhandapani K.* Does institutional industry context matter to performance? An extension of the institution-based view // *Journal of Business Research*. Vol. 115. 2020. P. 139–148.
41. *Gerber J.-D., Lieberherr E., Knoepfel P.* Governing contemporary commons: The Institutional Resource Regime in dialogue with other policy frameworks // *Environmental Science & Policy*. Vol. 112. 2020. P. 155–163.
42. *Hodgson G.M.* Darwinian coevolution of organizations and the environment // *Ecological Economics*. Vol. 69. Issue 415. 2010. P. 700–706.
43. *Homan P.T.* An Appraisal of Institutional Economics // *American Economic Review*. 1932. Vol. 22. № 1. P. 12–13.
44. *Khalil E.L.* Lock-in institutions and efficiency // *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 88. April 2013. P. 27–36.
45. *Ménard C.* Research frontiers of new institutional economics // *RAUSP Management Journal*. Vol. 53. Issue 1. 2018. P. 3–10.

Oleg Sukharev (e-mail: o_sukharev@list.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Full Professor,
Chief Researcher, Institute of Economics
Russian Academy of Sciences (RAS), (Moscow, Russia)

INSTITUTIONALISM: ON THE RISE OR DECLINING?

The article examines the state of the modern institutional direction of analysis in economic science. The aim is to identify the main methodological problems of this trend of thought from the point of view of the formation of such a scientific direction as “institutional macroeconomics”. The method of comparative review analysis of the most advanced sources that laid the basis for the methodology and implements it in institutional research shows the fundamental reasons for the limited possibilities of institutionalism in the formation of the transmission mechanism of economic policy. In this regard, the large volume of scientific research of the institutional school, reflecting, among other things, the scientific fashion and the need to take into account institutions as factors of development, nevertheless, does not speak in favor of the

flourishing and significant success of this line of analysis; at the very least, there are inherent difficulties in the development of this trend in economics. The main directions of research of the institutional school associated with overcoming methodological limitations, in particular, the expansion of ideas about institutional efficiency, which cannot be reduced solely to saving on transaction costs, have been identified. Methodological disputes, enthusiasm for holism and rhetoric in relation to the necessary consistency, on the contrary, lead institutionalism away from solving even those methodological problems that lend themselves to solution. The article shows the key positions on the development of institutional macroeconomics, including through the concept of institutional inflation, reduced to the contribution of institutions to price dynamics. The high level of institutional diversity and institutional complexity make it very difficult to truly assess this contribution. At the same time, denying the influence of institutions on prices, especially in connection with the inherent inaccuracies of the model approach, also becomes an unreasonable technique, as well as criticizing model options that demonstrate the directions of scientific research on this issue. A condition is obtained that connects the change in the costs of functioning of institutions with the function that determines the dynamics of prices for the greatest effect of the functioning of the institutional system, determined by the difference between the total benefits and costs

Keywords: institutions, paradigm, institutional economic theory, methodological individualism, “institutional inflation”, transmission mechanism of economic policy, evolutionary economics.

DOI: 10.31857/S023620070017484-9